

Національна
академія наук України

Інститут
української археології та джерелознавства
імені М.С.Грушевського

Інститут літератури імені Т.Г. Шевченка

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ
MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

Видавництво "Світ"

<http://svit.gov.ua/>

Михайло ГРУШЕВСЬКИЙ

ТВОРИ у 50 томах

Видавнича рада:

Борис ПАТОН — голова
Любомир ВИНАР • Іван ДРАЧ • Аркадій ЖУКОВСЬКИЙ
Володимир ЛИТВИН • Олексій ОНИЩЕНКО • Сергій ПЛОХІЙ
Френк СИСИН • Ярослав ЯЦКІВ

Головна редакційна колегія:

Павло СОХАНЬ — головний редактор
Ігор ГИРИЧ — відповідальний секретар
Сергій БЛОКІНЬ • Геннадій БОРЯК • Віктор БРЕХУНЕНКО
Галина БУРЛАКА • Василь ДАНИЛЕНКО • Микола ЖУЛИНСЬКИЙ
Мирон КАПРАЛЬ • Олександр КУЧЕРУК • Олександр МАВРІН • Ігор МЕЛЬНИК
Надія МИРОНЕЦЬ • Юрій МИЦИК • Всеволод НАУЛКО • Світлана ПАНЬКОВА
Руслан ПИРИГ • Валерій СМОЛІЙ • Ольга ТОДІЙЧУК • Василь УЛЬЯНОВСЬКИЙ
Ярослав ФЕДОРУК • Андрій ФЕЛОНЮК • Варвара ШУЛЬГА

Михайло
ГРУШЕВСЬКИЙ

Том 13

Серія

Літературно-критичні та художні твори
(1887–1924)

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ
MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

ЛЬВІВ
ВИДАВНИЦТВО
«СВІТ»
2012

УДК 94(477)
ББК 63.3 (4 УКР)
Г 91

*Випущено на замовлення Державного
комітету телебачення і радіомовлення України
за програмою “Українська книга” 2012 року*

*Затверджено Вченою радою
Інституту української археографії та джерелознавства
імені М.С.Грушевського НАН України*

Упорядкування, коментарі, мовна редакція текстів М.Грушевського та пояснення слів —
Галина БУРЛАКА

Переклад висловів іншомовного походження — Мирослав ТРОФИМУК

Видавництво “Світ”

<http://svit.gov.ua/>

ISBN 978-966-603-223-5
ISBN 978-966-603-742-1 (т. 13)

- © Інститут української археографії та джерелознавства імені М.С.Грушевського НАН України, 2012
- © Інститут літератури імені Т.Г.Шевченка НАН України, 2012
- © Бурлака Г., коментарі, 2012
- © Видавництво «Світ», дизайн та художнє оформлення, 2012

РОЗДІЛ III

ПЕРЕКЛАДИ

ПРЕДОК

(Авторский перевод с украинского)

Второй уже день мы шли лесом — я и пес. Вчера я еще немножко постреливал, но за сегодняшний день не выстрелил ни разу. Пес, сначала добросовестно делавший стойку при каждом появлении дичи, наконец убедился, что я не буду стрелять, и при каждом новом взлете только слегка оглядывался и продолжал идти, сиясь принять такой вид, что он тоже не обращает внимания на дичь — чтобы не служить укором моему нерадению и лени.

На ночлеге я в последний раз видел людей. За весь следующий день не показался никто, даже вдали. И я радовался, что людское лицо, людское слово, людской шорох не нарушает моей молчаливой беседы с лесом — что третье лицо не становится между мною и окружающею меня жизнью. Она беседует со мною тихим шумом леса, журчанием потока, криком птиц, подает знаки светотенями облаков, едва заметными движениями травы и ветвей. Все это, не заглушенное, не вспугнутое крикливым голосом человека, говорит так ясно, так необычайно сильно всему моему существу.

Я иду и прислушиваюсь к тихому шепоту деревьев — их верхушек, невидимых мне снизу из-за ветвей. Их колеблет там вверху ветерок, незаметный здесь внизу, и непрерывным тихим шумом наполняет лес. Но от времени до времени, словно рука, передвигающаяся по струнам — пролетает удар ветра, извлекающий более сильные звуки, сливающиеся в энергическую фугу, звучащую еще несколько мгновений ему вслед — пока не распадется снова на отдельные мелодии, которые ведет каждое дерево в отдельности, и место пробужденного рокота занимает снова этот монотонный, мирный шум.

Солнечные лучи врезаются в прогалины чрезвычайно яркими, резкими ударами, от которых загорается сверкающим блеском все встречающееся на пути: зеленая хвоя елей, серая кора ветвей, червонная подстилка старой хвои на земле, а капли росы и зерна песку сияют настоящим блеском самоцветов — горят, сгорают и гаснут в одно мгновение, пока я прохожу мимо их.

Мне чрезвычайно радостно. Сначала я проявлял эту радость очень резко. Кричал и прислушивался к своему голосу — как, пробегая эти бесконечные ряды деревьев, он бессильно застревал среди них. Перекликался с насмешливою иволгой и силился перекричать ее. Стучал сучком на сухих стволах, отвечая старому дятлу на его солидные, деловитые постукивания. Но первый хмель этого пьяного напитка уже прошел. Я иду молча, солидно, не окликаю даже пса. Я тих и сдержан, как эта жизнь, окружающая меня. И только радость, тихая безграничная радость на-

полняет все мое существо. Я тешусь сиянием солнца, темными тенями леса, нежным прикосновением воздуха, твердым сопротивлением почвы, тишиною растительного царства, резкими криками птиц. Я сливаюсь всем существом с этою безграничною жизнью, пью солнце и влагу, распространяюсь в безграничные пространства, врезываюсь невидимыми корнями глубоко в лоно матери земли и из ее глубин тянусь в световую даль, чтобы связать в один крепкий узел эту сырую, полную плодотворящей силы массу с солнцем, воздухом, безмятежными облаками, с источником света, жизни, огня и движения.

Мне кажется, что я с каждым шагом отхожу все дальше от “культурной” жизни, оставшейся там за мною, за плотною стеною леса, за глубокими провалами долин. Возвращаюсь от него назад, в глубину столетий, тысячелетий. От шумных, крикливых гостей, полных всякой натянутой неестественности, принужденности, неискренности, иду “к себе”, “домой”.

Бросаю дорожку и бреду наобум через лес, отводя руками ветви, заступающие мне дорогу. Застреваю, в конце концов, в густом малиннике. Стою в нем долго, долго. Срывать ягоды мне скоро прискучило, и я, как медведь, начинаю собирать их губами, прямо с кустов. Их очень много, и они поспели; воздух наполнен их запахом. И среди них темно-малиновые букеты цветов, на длинных стеблях, высокие, пышные среди запущенной порубки — я едва могу узнать их, так буйно, в такой массе они растут здесь. Растительность на этой богатой почве срубленного леса девственно роскошна — она производит впечатление чего-то сказочного, фантастического своей неопишуемой нежностью, богатством, буйностью, и мне кажется, что я перенесся в другие, далекие времена, когда земля еще не была так истощена, так ограблена и обессилена, как теперь.

Дождь захватил меня в малиннике и промочил меня до костей. Но он непродолжителен и нехолоден. Я продолжаю брести среди этих густых, высоких кустов и ветвей, напоенных дождем, и они окатывают меня своими брызгами снова и снова. Я весь мокрый, но радуюсь этому обилию воды. И когда из этих густых зарослей я выхожу, наконец, к потоку, я разстилаю на его гальке и песке свою мокрую одежду, сохну и греюсь вместе с нею, лежу, не считаясь со временем, в блаженной лени, когда ничего не нужно, никуда не нужно, и ничто не томит и не напоминает о себе. Ленивым взглядом я слежу за тем, как нагретый воздух и пар, словно жертвенное курево, медленно поднимается вверх. И уже не разбираю, сплю ли я или вижу это наяву.

Под вечер я дохожу до уединенной лесной избушки у реки среди леса. На этот раз и здесь нет никого. Пока солнце прячется за горизонт,

прорезывая лес пламенными лучами, превращающими стволы сосен в настоящее червонное золото, — я собираю материал для костра. Сухой валежник, принесенные рекою коряги, свежие сосновые ветви, упругие, круглые, как новые ламповые щетки; увешанные пышными кистями ветки пихты и роскошные веера ельника. И когда черная тьма наполнила лес, я раскладываю костер, высокий, огромный, и, лежа перед ним рядом с собакой, смотрю, как огонь просовывает свои языки среди этой груды дерева. Светло-красным пламенем схватываются ветви ольхи, темным огнем горят сосновые коряги, отражаясь на стене леса дрожащим заревом, между тем как белые облака дыма стлались под нею; а когда я шевелил хвою, фонтаны золотых искр взлетали над костром и неистовым вихрем кружились среди них обрывки коры и ветвей, брызгая во все стороны. И меня охватывает неистовая радость, экстаз древнего человека при виде огня — могущественнейшего покровителя и товарища, защитника от холода и тьмы, подателя жизни и радости. И когда я несколько часов спустя устраиваюсь на ночлег в избушке, выставив роскошное ложе из свежей хвои елей, я долго еще поддерживаю огонь на очаге, набив всю избушку всяким топливом. Ветви потрескивают на огне, искры с дымом летят золотою лентою в отверстие крыши. Лес шумит тихим, приглушенным шумом, сквозь который пробивается более острый шум быстрого потока. И я тешу себя сознанием, что я так далеко убежал от всего, что тяготило меня, — ото всей этой безысходно-сложной, мучительной жизни. Я радуюсь, вспоминая, что лежу не на своей сетчатой кровати, обвешанный портьерами для защиты от шума и света, но окруженный неизбывными привидениями назойливых мыслей, неотступной и безвыходной путаницы, растравляющей наболевшие раны моей души, не дающей ни на минуту вырваться из проклятого круга. Я лежу на свежей хвое, и мои мысли около золотых искр очага. Меня не занимает теперь ничто, кроме мыслей о солнце, погоде, дожде и других таких же ясных, стихийно-простых вещах. Словно я, в самом деле, ушел на целое тысячелетие назад, к своим предкам, и живу их простою, несложною жизнью, какая была тысячу лет тому назад.

Мне, однако, не спится. Физическое и душевное возбуждение, слишком буйная радость жизни, которую я переживал целый день, — не дают мне покоя. Не спит и пес — я вижу отблеск огня на его глазах, когда он поднимает веки. Дремота временами овладевает мною, потом снова прерывается, и снова толкнутся в голову, силясь продолжить предшествующую мысль, обрывки соображений о старой цельности человеческой жизни — моего далекого предка, тысячелетиями отдаленного от меня...

И вдруг при неверном свете костра, в своих колебаниях то выдвигавшем контуры наваленного валежника, то прятавшем их в черном мраке, — я увидел его, моего предка, тысячелетиями отдаленного от меня, далекими тысячелетиями...

Прикорнувши в темном углублении скал, загороженном буреломом, он сидел, положив голову на колени, с лицом, обращенным ко мне. Он был весь голый, только ступни ног были обернуты истертой козьей кожей; но почти все тело было покрыто густыми темными волосами, сквозь которые оно едва просвечивало. Такие же волосы покрывали его широкие и сильно выступающие челюсти и вверху почти доходили до густых бровей на узком, скошенном лбу. Вид он имел измученный и истощенный, и незажившая рана виднелась на его бедре. Он был голоден. Соседнее враждебное племя разгромило его племя; без милосердия перебито было множество мужчин, женщины были захвачены, уцелевшие — оттеснены с давних мест, более богатых дичью и всякою другою пищею, в эти каменистые обрывы, где было столько хищных зверей, что почти невозможно было что-нибудь поймать человеку. И теперь он среди дремоты тревожно прислушивался к грохоту камней на тропинке, по которой проходили к воде жители недалекой пещеры — львы. И рука его машинально стискивала дубину с грубо приправленным остроконечным камнем — его единственное оружие.

Так сидел он долго против меня, то слегка дремля, то тревожно поднимая голову, чтобы отогнать сон, и пристально вглядываясь в тьму ночи. Он чувствовал себя крайне утомленным и ослабленным. Пустой желудок сокращался с мучительною болью. Ночной холод заставлял дрожать его тело. Ночь угнетала его страхом — не только присутствием этого близкого, но невидимого зверья, а и сама по себе, как страшное, загадочное царство злых, таинственных сил, завладевших всем живым, поглотивших солнце — владыку света, и задавшихся целью убить, уничтожить холодом всякую жизнь. С томительною тоскою посматривал он в ту сторону, откуда обыкновенно появлялось солнце, вырвавшись из своего пленения у злых духов. Вырвется ли оно и на этот раз, будет ли еще светло и тепло, или на этот раз уже конец всему? Все злое, очевидно, обладает великою силою, и больше его на свете, чем доброго. Так редко случается быть сытым, чувствовать себя в безопасности, а так много всяких опасностей, вечных страданий от голода, страха...

И среди этих мыслей — отрывков мыслей, мелькавших среди дремоты в его утомленном мозгу, с необыкновенною резкостью и выпуклостью сонных видений ему явилось нечто столь странное, в сущности бестолковое и вместе с тем несказанно привлекательное, удивительно счастливое. Ему представился образ человека, спокойно спящего, как дитя за спиною своей матери, не тревожимого ночью, холодом и зверями. Обтесанные и плотно

пригнанные стволы дерева защищают его со всех сторон от зверей, холода и злых духов; сверху у него тоже покрывка, так что и дождь, если бы пошел, не промочил бы его. Кроме того, он весь обмотан тонкими шкурами* и не зябнет. Он нисколько не боится и темноты, потому что унес с собою в эту деревянную пещеру кусочек солнца и держит при себе. У него есть заколдованный пес, служащий ему и стерегущий его покой...

В экстатическом восторге, широко открытыми глазами он пожирал этот чудесный образ, на мгновение явившийся ему с такой удивительной отчетливостью и богатством подробностей, что они производили иллюзию долгого переживания, как то бывает в моменты сильного напряжения воображения. Он не знал, видит ли сон или те причудливые образы, какие являются человеку вследствие голода и утомления, и он вглядывался, смакуя его всеми нервами, полный наслаждения и страха, что эта чудная картина исчезнет, как рассеивались и терялись прекрасные сны о великом обилии дичи, многолюдных толпах соплеменников, мужчин и женщин, отправлявшихся вместе с ним на зверя, и разные другие счастливые минуты.

И я чувствую на себе, на расстоянии десятков тысяч лет, этот очарованный, восторженный взгляд моего далекого предка; как чуду культуры и прогресса, просто невероятному, удивляющемуся тому, что мне представлялось возвращением к бескультурным временам моих далеких предков, отделенных от меня тысячелетиями.

Через несколько минут он встряхнулся, чтобы отогнать от себя дремоту и убедиться, видит ли он это во сне или наяву, — и это видение, очевидно, исчезло. Некоторое время он оставался неподвижным, весь еще во власти этой чудной картины. Затем его внимание заняли первые проблески дня, появившиеся на небосклоне. Они наполнили радостью его угнетенную душу. Солнце, свет, день возвращались снова, и он приглушенным голосом повторял отрывочные слова, бывшие его приветствием свету, поздравлением с тем, что еще раз ему удалось вырваться из власти враждебных сил.

Через некоторое время засерело уже и около него, и он, расправляя одеревеневшие ноги и сильно хромя после долгой неподвижности на раненую ногу, начал осторожно вылезать из своего убежища. Голод и утомление исчезали под новым приливом энергии, под ощущениями нового света, нового дня...

Сон смежил мои веки, и я проснулся, когда уже горячий, ярко блестящий день прорывался во все отверстия избушки, сгоняя прозрачные тени в самые темные углы ее. Пес нетерпеливо оглядывался на меня, подавляя в себе порывы страстного желания разбудить меня и вырваться из этой тишины в полный буйной жизни лес. Это желание охватило и меня, когда я отворил низенькую дверцу, и перед моими глазами встал лес, залитый солнцем и ароматом смолы, освеженный росой, полный утренней энергии жизни. Не

тратя времени на завтрак, я перекинул через плечо ружье и направился в глубину леса, стремясь прежде всего удовлетворить свое желание войти в эту жизнь, слиться с нею и взять от нее свою часть.

И я шел снова среди ровных, как свечи, стволов, среди роскошных кистей хвои, среди буйных зарослей леса. Откликался душою на каждый крик, на каждое дуновение этой жизни. Грелся под горячим сиянием солнца, обвеянный струями пара, поднимавшегося с земли, с росы, и прохлаждал свои ноги в холодной влаге источника, проходил тихие, наполненные солнцем просеки и полные пахучей сырости долины.

Я шел все далее и далее в глубину леса. Но вчера меня радовала мысль, что я убегаю от современной жизни и его культурной утонченности в глубину минувших веков — от современного человека к старым предкам с их первобытной, естественной жизнью. Сегодня, наоборот, мне доставляло удовольствие думать, что этим роскошным лесом я иду к жизни — что я отдыхаю в гостях у природы, чтобы с новыми силами вернуться к житейскому труду в обстановке современной культурной жизни, в современном мире идей. Мои мысли, перегоняясь с птицами, летели в этот полный бесконечного страдания — и бесконечного очарования мир...

И образ моего предка мелькал в моих воспоминаниях как что-то жалкое, близкое, но приятное тем, что оно уже прошло, — как безвозвратно прошедшая беда.

Перший Макавей... — тобто Юда Маккавей — син Маттафії Хасмоней, що підняв повстання. Після смерті батька Юда очолив повстання проти еллінізації Юдеї сирійськими греками у 166–160 рр. до н. е. Назва Маккавей пізніше стала позначати всіх повстанців та захисників віри.

с. 401 Вітелій — Луцій Вітеллій (10 р. до н. е.—51 р. н. е.) — політичний та військовий діяч Римської імперії. У 35–39 рр. був проконсулом провінції Сирії, якому підлягала Іудея.

с. 402... Вітелій син Авль — Авль Вітеллій (12–69), римський імператор у квітні—грудні 69 р. **с. 412... а жінки на галереї думали про сарептську вдовицю** — йдеться про біблійний сюжет, описаний у 17 розділі третьої книги Царств — як Господь послухав ревної молитви пророка Ілїї й воскресив померлого сина вдови з Сарепти Сидонської — древнього міста на півдні Лівану.

... сей вірш сучасного поета... — далі цитується рядок з поеми римського поета-філософа Тита Лукреція Кара (бл. 99–55 до н.е.) “Про природу речей”.

Предок

Перша публікація: Вестник Европы. — 1915. — Июль. — С. 219–225.

Автограф невідомий.

Публікується за першодруком.

Про переклад російською мовою деяких своїх оповідань М. Грушевський домовлявся з українським письменником, публіцистом і літературознавцем М. Могилянським (1873–1944). З листом від 8 лютого 1913 р. М. Могилянський переслав авторові свій переклад нариса М. Грушевського “Ніч” і обіцяв працювати над наступними творами. Він розпочав роботу над перекладом “Предка”, однак низка обставин завадила завершити її. Очевидно, розчарований таким затижним процесом, М. Грушевський попросив повернути авторські тексти, що М. Могилянський і зробив наприкінці вересня 1913 р. Жалкуючи з такого повороту подій, 6 листопада 1913 р. М. Могилянський писав М. Грушевському: “Не мав часу для тієї праці, яку б робити бажалось. І чи матиму швидко, не знаю” (ЦДІАК України. — Ф. 1235, оп. 1, спр. 646, арк. 19 зв.).

Не маємо точної дати, коли М. Грушевський переклав цей твір, проте очевидно, що він зробив це в першій половині 1914 р., а також встиг переслати переклад до Санкт-Петербурга в редакцію авторитетного російського часопису ще до початку Першої світової війни (1 серпня 1914), яка застала його у Криворівні, та свого арешту й заслання (грудень 1914 р.). Переклад, зазначимо заради справедливості, не надто вдалий, але показово, що журнал опублікував його саме тоді, коли імперські власті звинувачували автора у шпигунській діяльності на користь Австро-Угорщини й тримали на засланні у Сибірську, а потім Казані. Лише завдяки клопотанню з боку Російської академії наук М. Грушевському дозволили перебраться до Москви.

с. 423 Крім того, он весь обмотан тонкими шнурками... — у першодруці коректорська помілака: “Кроме того, он весь обмотан тонкими шнурками и не зябнет”. Український оригінал: “Крім того він обмотаний весь тоненькими шкурами і зовсім не мерзне”.

Розділ IV. НЕЗАКІНЧЕНІ ТВОРИ, ФРАГМЕНТИ

“Діялося року Божого тисяча сімсот першого...”

Публікується вперше за автографом: ЦДІАЛ України. — Ф. 401, оп. 1, спр. 58, арк. 1–34.

Твір без заголовка. На першому аркуші авторська дата початку роботи: “11 серпня 1888”, на арк. 32 зафіксовано, коли М. Грушевський востаннє працював із цим текстом: “IX. 24”.

с. 427 Горинь — річка в Україні та Білорусі (у межах України — 577 км, басейн річки — у Житомирській і Рівненській областях), права притока Прип’яті.

... меж ними 70 тяглих... — тяглом називався господар, який має велику рогату худобу.

Була неділя перед Петром [і] Павлом... — 12 липня за новим стилем — день святих апостолів Петра і Павла.

с. 428 ... от-от почне жито точиться... — тобто перестигле висохле зерно почне висипатися з колосків.

с. 429 ... він сам прибіг з Володимирського повіту за 3 роки... — Володимирський повіт у другій половині XVI—XVIII ст. входив до складу Волинського воєводства Речі Посполитої, адміністративний центр — місто Володимир (тепер Володимир-Волинський).

с. 430 Це були Абазинські козаки з Брацлавщини... — йдеться про козаків Андрія Мехмедовича Абазина (Абази; 1634–1703), військового і державного діяча України, з 1690 р. — брацлавського полковника. Разом з фастівським полковником С. Палієм А. Абазин став одним із керівників національно-визвольного повстання проти Речі Посполитої у 1702–1704 рр., яке сучасники називали “другою Хмельниччиною”.

с. 432 ... Дівчинонька козаченька просить... — українська народна пісня. Більш поширений варіант початку: Ой на гору козак воду носить,

Дівчинонька козаченька просить:

“Козаченьку, мій собою,

Візьми мене із собою,

Помандрую я з тобою!”

ЗМІСТ

	с. текстів	с. ком.
Розділ I. ПРОЗА	5	543
На траві.	7	543
“Я був тоді у гімназії, в останньому класі...”	12	544
Неробочий Грицько Кривий	22	545
Перехожі	39	546
Старий терен	42	547
Остання кутя	48	547
Особисте щастя	58	548
Пан	72	550
Перешкода	82	551
Історія одної ночі	90	552
Ясновельможний сват	106	553
Ніч	123	559
Предок	127	559
Пенати	132	560
Комета	142	560
З похорону	152	561
Тестамент	157	561
Як ми стрічали Новий рік	179	561
Біжниця в Зомербергу	183	562
На горах	196	563
У Святої Софії	200	563
Історія синьйори Занети Альберіго з Венеції	215	565
Розмова з Кривоносом	228	565
Вихрест Олександр	233	566
Розділ II. ДРАМАТИЧНІ ТВОРИ	239	567
Хмельницький в Переяславі	241	567
Ярослав Осмомисл	299	571
Розділ III. ПЕРЕКЛАДИ	351	573
В. Гаршин. Чотири дні	353	573
Житіє Олексія, чоловіка Божого	361	573
Житіє святого праведного Филарета Милостивого	367	573
Д. Мамін-Сибіряк. Майя	377	574
Д. Мамін-Сибіряк. Баймаган	386	574
Г. Флобер. Іродіяда	395	574
Предок	419	575

Розділ IV. НЕЗАКІНЧЕНІ ТВОРИ, ФРАГМЕНТИ	425	575
“Діялося року Божого тисяча сімсот першого...”	427	575
[Приват-доцент]	466	576
“Діялось се — тому років вісімсот, трохи більше”	479	578
“Недалеко великого гостинця зі Львова до Галича...”	494	580
Міліон	499	581
Запорожці	503	581
Дрібні фрагменти	512	582
Розділ V. ДОДАТКИ	515	582
Ранні редакції оповідань	517	582
Остатня куця	517	582
Старий терен [I]	528	583
Старий терен [II]	528	583
Пани	532	583
Авторські передмови до збірок	536	583
[Передмова до збірки “Оповідання”]	536	583
[Передмова до збірки “Sub divo”]	536	584
[Передмова до збірки “З старих карток”]	537	584
Подорож на Ай-Петрі	538	584
КОМЕНТАРІ	543	
ПОКАЖЧИК ІМЕН	585	
ПОЯСНЕННЯ СЛІВ	587	

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

Грушевський Михайло Сергійович

Твори: У 50 томах

Том 13

Серія “Літературно-критичні та художні твори”
(1887–1924)

Редактор *Л.Веремієнко*
Художнє оформлення *С.Іванов*
Технічний редактор *І.Сімонова*
Коректор *О.Тростянчин*

Грушевський М.С.

Г 91 Твори: У 50 т. / редкол.: П.Сохань, І.Гирич та ін.; голов. ред.
П.Сохань. — Львів : Світ, 2002 — .
Т. 13: Серія “Літературно-критичні та художні твори” (1887–1924)
/упор. Г.Бурлака. — 2012. — 592 с.
ISBN 978-966-603-223-5; 978-966-603-742-1 (т. 13)

Останній з трьох томів серії “Літературно-критичні та художні твори” умістив завершені літературні тексти і фрагменти 1887–1924 років. Представлені оригінальні прозові й драматичні твори М. Грушевського, а також низка перекладів. Частина матеріалів публікується вперше.

Видання розраховане для науковців та всіх, хто цікавиться красним письменством.

ISBN 978-966-603-223-5
ISBN 978-966-603-742-1 (т. 13)

ББК 63.3 (4 УКР)

Формат 70x100¹/₁₆. Папір офс. Гарн. Academy. Офс. друк. Умовн. друк. арк. 48,1.
Обл.-вид. арк. 42,0. Тираж 5000 прим. Вид. № 28. Зам. 81П

Державне спеціалізоване видавництво “Світ”
79008 м. Львів, вул. Галицька, 21

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи: ДК № 2980 від 19.09.2007 р. www.svit.gov.ua
e-mail: office@svit.gov.ua
svit_vydav@ukr.net

Друк ТДВ “Патент”

88006 м. Ужгород, вул. Гагаріна, 101

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи: ДК № 4078 від 31.05.2011 р.